

Министерство культуры Российской Федерации
ФГБУК «Рязанский историко-архитектурный музей-заповедник»
Архивное управление Рязанской области
ГУ РО «Государственный архив Рязанской области»
Центр исторического регионоведения и краеведения РГУ им. Есенина

СЕДЬМЫЕ ЯХОНТОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

Материалы межрегиональной
научно-практической конференции
Рязань, 16-19 октября 2012 года

РЯЗАНЬ
2014

⁶ НА РИАМЗ. № 965. Л. 19.

⁷ Там же. Л. 20.

⁸ Там же. Л. 46–46 об.

⁹ Там же. Л. 29 об.

¹⁰ Врачом училища был Константин Асеев, который служил при училище в 1878–1912 гг., т.е. 34 года. Одновременно он был и мировым судьей. Здесь следует напомнить, что тогда для занятия должности мирового судьи требовался образовательный ценз не ниже среднего без указания обязательного юридического профиля и поэтому эту должность занимали лица разных профессий.

¹¹ НА РИАМЗ. № 965. Л. 30.

¹² Там же. Л. 50.

¹³ Там же. Л. 48.

¹⁴ Там же. Л. 50 об.

¹⁵ Там же. Л. 24, 56.

¹⁶ Там же. Л. 26.

М.В. Сёмина

ИЗ ЭПИСТОЛЯРНОГО НАСЛЕДИЯ МЭРИ РИД (1897–1972)

Статья открывает серию архивных публикаций, посвященных американской журналистке, писательнице и переводчице Мэри Рид, связавшей свою судьбу с советской Россией. Из-за коммунистического прошлого фигура Мэри Рид многие годы оставалась в тени. Ее литературное наследие до сих пор не изучено и не исследовано. Публикуемые здесь письма 1960 гг. открывают новую страницу в творческой биографии писательницы.

Ключевые слова: Мэри Рид, США, Советский Союз, коммунист, журналист, переводчик, поэт, Ленинград, блокада, Тума, Рязань, Переделкино.

В течение ряда лет автором настоящего исследования ведется работа по выявлению в архивах России, США и Европы документов, реконструирующих профессиональную деятельность Мэри Рид. Для сбора и систематизации сведений биографического характера были использованы зарубежные периодические и специализированные издания. Дополнительную группу источников, задействованных в исследовании, составили полевые материалы, на основе которых восстановлены отдельные этапы жизни Мэри Рид. Результаты поисков позволили ввести в научный оборот новые биографические данные, проследить генеалогическое древо писательницы, значительно расширить библиографию по интересующему вопросу, тем самым устранить фактические ошибки, недостоверные сведения, разночтения и неточности, которые встре-

чались в русскоязычных публикациях¹. После долгих лет забвения имя Мэри Рид, наконец, возвращено в литературный контекст².

Мэри Корнер Рид была старшей из четверых детей³ Уилларда Рида, педагога и унитариянского пастора⁴, и Фердинанды Вессельхофт, публициста и общественного деятеля. Девочка родилась в городе Сэндвиче, расположенном на северо-востоке США, в одном из живописнейших мест полуострова Кейп-Код. Семья обосновалась в Кембридже (штат Массачусетс).

Родословная Мэри Рид по материнской ветви восходит к влиятельному немецкому роду Вессельхофтов. Прадед, Роберт Вессельхофт, эмигрировал в США в 1840 г. по политическим мотивам. Оставив юридическую практику, он предпочел работать в области экспериментальной альтернативной медицины вместе со своим братом Уильямом Вессельхофтом, одним из основателей школы гомеопатии в Новом Свете. Дед, Уолтер Вессельхофт, известный в Америке врач, профессор, выступал в поддержку избирательных прав женщин. Мать, молодая эмансипированная дама, присоединилась к активистам суфражистского движения и боролась за политическое и экономическое равенство полов⁵. Не удивительно, что юную Мэри, воспитанную на либеральных ценностях, столь сильно увлекли идеи социального устройства общества.

В женском колледже Рэдклифф при Гарвардском университете, ставшим alma mater не для одного поколения этой семьи, Мэри Рид изучала право⁶. Она свободно владела немецким и французским, во время учебы освоила другие европейские языки – русский, итальянский, испанский. В студенческие годы Мэри начинает серьезно заниматься переводами, работать в жанре поэзии и малой прозаической формы. В 1919 г. на митинге в Бостоне ей довелось слушать пламенную речь молодого журналиста Джона Рида⁷, своего прославленного однофамильца, только что вернувшегося из Петрограда. Автор нашумевшей книги о революционных событиях 1917 года «Десять дней, которые потрясли мир» стал кумиром американской молодежи⁸ и оказал огромное влияние на формирование коммунистических взглядов Мэри Рид. Она вступает в компартию США и начинает сотрудничать с американскими печатными изданиями «левого» толка.

В 1927 г. редакции журналов «The New Masses», «The Nation» и газеты «The Daily Worker» командируют ее в Советский Союз⁹. Спустя десять лет Мэри Рид примет советское гражданство. С 1928 по 1933 г. она работает в Москве переводчицей в Исполнительном комитете Коминтерна. В 1934 г. получает должность рецензента по американской литературе в ленинградском издательстве. Со своим сыном Джоном, который родился в Америке, но в шестилетнем возрасте был привезен в Советский Союз, Мэри поселилась в поселке Стрельня. Здесь Джон обучался в школе, посещал спортивную секцию по боксу и драмкружок. Всесторонне одаренный юноша интересовался историей искусства и, по словам матери, «написал несколько неплохих пейзажей». Он хорошо знал произведения классической музыки, играл на гитаре, бегло говорил на

четырёх языках. После окончания ремесленного училища началась его трудовая деятельность на судостроительном заводе имени А.А. Жданова. Джон Рид умер от воспаления легких в первый год блокады, 19 декабря 1941 г.¹⁰

Во время Второй мировой войны Мэри Рид – корреспондент ленинградского радиокомитета. Ее «Обращение к прогрессивным писателям Америки» о содействии открытию Второго фронта передавало в августе 1942 г. Телеграфное Агентство Советского Союза (ТАСС)¹¹. Очерк Мэри Рид, рассказывающий о блокадных днях Ленинграда, напечатал в январе 1945 г. журнал «Soviet Russia Today»¹². После Победы, в июне 1945 г., Рид напишет письмо Сталину¹³:

«...своим литературным трудом я могу играть важную роль в укреплении дружбы между нашими народами. Однако здесь даже не признают моих работ, потому что их якобы “некому переводить, некому печатать, они написаны не в общепринятой манере” и т.д. ... Я прошу Вас ускорить решение вопроса о том, приемлемы ли мои произведения и в связи с этим – нужна ли я Советскому Союзу, которому я пожертвовала всем в своей жизни... В моих жилах течет теперь ленинградская кровь...»¹⁴

Это обращение власти расценили как провокацию и антисоветскую пропаганду, и в июле 1945 г. последовал арест. Из квартиры № 22 по улице Толмачева, 11, ставшей новым адресом местожительства семьи Ридов в Ленинграде¹⁵, был конфискован архив писательницы, включая ее дневник¹⁶ – бесценный документ ушедшей советской эпохи. Военным трибуналом войск НКВД Ленокруга от 26 февраля 1946 г. Мэри Рид была приговорена к пяти годам лишения свободы «с поражением в правах сроком на 2 года»¹⁷. В материалах уголовного дела значится, что она «в период 1941–42 гг. среди своих знакомых высказывала антисоветские измышления в отношении советской действительности, вела дневник, в котором фиксировала свои клеветнические измышления...»¹⁸. Осужденная по статье 58-10 части 2 УК РСФСР, Мэри Рид отбывала свой срок в исправительно-трудовом лагере Ярославской области до 1950 г.¹⁹ После освобождения ее направляют на спецпоселение в рабочий поселок Тума Клепиковского района Рязанской области. Без паспорта, имея на руках только справку об освобождении, бывшая политзаключенная вынуждена торговать на местном рынке самодельными вещами. Спустя некоторое время Мэри Рид удалось устроиться подсобной рабочей в артель инвалидов. Поселили ее в неотапливаемом помещении бывшего склада²⁰. Тяжелейшие бытовые условия и потеря прошлых контактов отодвинули на задний план литературную работу. Только после реабилитации в 1956 г. у Мэри Рид появилась надежда на публикацию своих произведений, но из ее творческого наследия переведена и опубликована лишь малая толика, поскольку английский был и оставался ее рабочим языком. Единственный прижизненный самиздатовский сборник стихотворений Мэри Рид увидел свет в Рязани в 1971 г.²¹

Свой тумский архив, состоящий из рукописей рассказов, стихотворений, статей, переводов, обширнейшей переписки, дневника, фотографического материала и документов, подборки зарубежных периодических изданий, Мэри Рид передала на хранение поэту Ефиму Шкловскому²². В переводах Шкловского советский читатель познакомился с любовной лирикой Мэри Рид, из горьких и одновременно наполненных витальной силой строк блокадного цикла узнал об отчаянии матери по умершему у нее на руках сыну, услышал тумскую исповедь. Самые пронзительные и мощные по накалу стихотворения принадлежат периоду ленинградской блокады и посвящены памяти единственного сына. Поэтический голос Мэри Рид звучал в унисон с теми, кто создавал героическую летопись осажденного города.

Первую часть эпистолярного наследия Мэри Рид открывает подборка писем из домашнего архива ученого-биолога Веры Владимировны Рольник²³, с которой писательница состояла в теплых дружеских отношениях и после освобождения, чем и объясняется откровенная интонация переписки. Письма находятся на хранении в Центральном государственном архиве литературы и искусства Санкт-Петербурга и датируются 1964–1965 гг.²⁴ Два письма, в одном из которых Рид цитирует фрагменты своих стихотворений, написаны на английском языке.

Третье письмо и открытка написаны на русском. Помимо писем в деле отложились два машинописных листа со стихотворениями Рид на английском языке: первое датировано 1928 г., когда Мэри проживала в Москве; второе стихотворение относится к тумскому периоду и датируется 1951 г.²⁵

Следующая подборка писем происходит из Коллекции краеведческих материалов Государственного архива Рязанской области²⁶. Письма датированы апрелем–маем 1969 г. и адресованы Елене Игнатьевне Крючковой²⁷, обладающей широким культурным кругозором, хорошо знающей русскую и зарубежную литературу. Переписка завязалась благодаря школьнице из районного поселка Тума²⁸. В ней – интересные бытовые зарисовки, биографические сведения, размышления о творческих планах.

Осенью 1970 г. писательницу, перенесшую две операции и частично лишившуюся двигательной активности, определили в Михайловский дом-интернат для престарелых и инвалидов, что не помешало ей продолжить литературную и публицистическую деятельность. По словам Мэри Рид, у нее «никогда прежде не было таких прекрасных условий для литературной работы»²⁹. Она завершает перевод на английский язык «Февральского дневника» и «Писем на Каму» Ольги Берггольц, трудится над рукописью книги «Люди меня спрашивают», посвященной американскому народу и всем тем, с кем ей довелось общаться по обе

стороны океана. Мэри Рид пробыла в Михайлове до октября 1971 г. и, по инициативе поэта Шкловского, была переведена в пансионат для ветеранов революции, политкаторжан и ответственных работников партии³⁰, расположенный в Переделкине. В марте 1972 г. Рид скончалась от обширной пневмонии, болезни, унесшей из жизни в 1941 г. и ее сына Джона.

На участке переделкинского кладбища, отведенного под захоронения старых большевиков, ровные ряды однотипных надгробий грязно-серого цвета напоминают чеканный строй военного некрополя. Именно здесь обрела свой последний приют журналист, писатель и переводчик Мэри Рид³¹, награжденная медалью «За оборону Ленинграда», посвятившая свою жизнь борьбе за гуманизм и социальную справедливость.

ПИСЬМА РИД – РОЛЬНИК

*Touma. Jan. 13' 64*³²

Vera darling,

I made a New Year resolution not to write letters but just post-cards. So many of my friends were sick or unhappy that I used up all my energy writing letters and had none left to wash my dishes, darn my stockings and read the newspaper. Зоя Ивановна in Leningrad has attacks of blindness, Rimma' (my pupil's) little boy is dangerously ill (twice pneumonia, now ожер I-II степени), another friend had an operation for cancer. The friend of mine and Rita's, who wanted to visit me last summer was in the hospital and now he can't walk, to say nothing of my aunt, whose tragedy I think I wrote you about, and to whom I have been writing every week, with just a note to my sister, who is still trying to come and visit me. The American Госдепарт [амент] took her pass-port away and she has been trying to save up money to pay for a lawyer to help get it back. She has a close friend who has been paralyzed for 20 years and has written to me and now asks me to write him again. She said he is wonderfully patient, with a fine sense of humour. He collects stamps, so if you have any, please send them. I really must answer his letter and there is my poor darling Vera suffering all kinds of torture and physical illness, and now comes a fountain-pen from her, and that makes writing much easier <...>. But it is such a relief after my other ones, that you deserve a very good letter – much better than I am able to write just now. And when I opened the package and found the sweets and little calendar tucked in I was very much touched, <...> and glad to have a friend who was thinking about me.

Now you write me please just a few words. Do you feel better. Are you beginning to work on your book again? <...>. A friend of mine in Leningrad is coming to visit me soon – she visited me the very first year I lived in Touma <...>. I will give you her address or ask her to see you. <...>.

Now you will understand <...> how many friends of mine are on the "sick list" – that I feel I am the healthiest of all. But I am not getting anything important done except putting my case before the "highest literary court" on the question of publishing my poem Translations. My household is now so

organized that it takes very little time and energy and gives wonderful results. I say "wonderful" because I got 10 eggs today from my 12 hens, and never ever dreamed of such success in January. But it is almost like a curse or a sin to have such results <...>. If things don't get easier I'll have all my hens killed when my grain supply gives out, and I have spent years in developing a wonderful breed. I offered some of my birds to the best Touma colhoz and got no answer. <...>. I would not sell any of my birds to people who wouldn't give them the conditions I have provided for them. Better kill them and eat them. But has our country really got into such difficulties? For now I am glad to have eggs for sick friends – I forgot to add to the list Emily Sergeevna, my old school-teacher friend in Touma who can speak English with me. She is now in the Touma hospital.

Зоя Ивановна wants me to translate the song "Бухенвальдский набат" and others. I have asked my new pupil to bring me the words and I will begin with that.

Please don't get sick any more. But of course I'll write if you need it. That was only a New Year resolution – "subject to change".

Je te kisse, Mary

Тума, 13 января '64³³

Вера, дорогая,

я приняла новогоднее решение не писать писем, ограничившись только открытками. Я израсходовала всю энергию, отвечая на письма своих несчастных и больных друзей, и у меня даже не осталось сил на то, чтобы помыть посуду, заштопать носки и прочитать газету. Зоя Ивановна³⁴ из Ленинграда ослепла, маленький сын Риммы (моей ученицы)³⁵ опасно болен (дважды была пневмония, а теперь ожог I–II степени), другой друг был прооперирован от рака. Наш с Ритой³⁶ друг, который хотел навестить меня прошлым летом, оказался в больнице и теперь не может ходить, не говоря уже о трагедии, произошедшей с моей тетей, о которой, кажется, я тебе говорила, и которой пишу каждую неделю, и моей сестре³⁷, которая все еще пытается приехать ко мне. Госдепартамент США забрал ее паспорт, и она копит деньги, чтобы заплатить за услуги юриста по возврату паспорта. У нее есть близкий друг, который был парализован в течение 20 лет – он прислал мне письмо и сейчас просит снова написать ему. Она говорит, что он удивительно терпелив, с прекрасным чувством юмора. Он собирает марки, поэтому, если у тебя есть какие-то, пришли, пожалуйста. Я действительно должна ответить на его письмо, в котором, моя бедная, дорогая Вера, страдания всех видов, пытки и физическая боль. Ты прислала авторучку, которая облегчила мне процесс письма <...>. После всего – это такое облегчение, поэтому ты заслуживаешь очень хорошего письма – намного лучшего, чем я сейчас способна написать. Когда я открыла посылку и нашла конфеты и календарик внутри, я была невероятно тронута <...> и рада, что у меня есть такая подруга, которая думает обо мне.

Пожалуйста, напиши мне коротко: чувствуешь ли ты себя лучше? начинаешь ли снова работать над книгой? <...>. Одна моя подруга из Ленинграда скоро собирается ко мне – она навещала меня в самый первый год моего проживания в Туме <...>. Я дам тебе ее адрес или попрошу встретиться с тобой. <...>.

Теперь ты поймешь <...>, как много моих друзей находится в «списке больных», поэтому я чувствую себя самой здоровой из всех. Но я не вижу важнее вещи, кроме как предстать перед «высшим литературным судом» по вопросу о публикации моего стихотворения «Переводы». Мое домашнее хозяйство сейчас организовано таким образом, что оно требует минимум времени и сил, и дает замечательные результаты. Я говорю «замечательные», потому что сегодня от 12 кур у меня выходит 10 яиц – и это в январе – я и мечтать не могла о таком успехе. Но это почти как проклятие или грех иметь такие результаты <...>. Если все это не утрясется, и когда запасы зерна иссякнут, я буду вынуждена уничтожить всех своих кур, а ведь я потратила годы, разрабатывая такую замечательную породу. Я предложила лучшему тумскому колхозу некоторых из своих птиц и не получила ответа. <...>. Я бы не продала ни одну из своих птиц тем, кто не создал бы для них таких условий содержания, которые обеспечивала я. Лучше убить их и съесть. Но неужели наша страна действительно оказалась в таком затруднительном положении? А пока я рада, что у меня есть домашние яйца для моих больных друзей. Да, я забыла добавить в «список» Эмилию Сергеевну³⁸, мою давнюю подругу, школьную учительницу из Тумы, с которой мы разговариваем по-английски, – сейчас она в тумской больнице.

Зоя Ивановна³⁹ хочет, чтобы я перевела песню «Бухенвальдский набат»⁴⁰ и другие. Я попросила свою новую ученицу принести мне слова, чтобы начать работу.

Пожалуйста, больше не болей. Но, конечно, я напишу, если тебе нужно, ведь это было только новогоднее решение – «предмет для пересмотра».

Целую тебя⁴¹, Мэри

Touma, Oct. 31 '64⁴²

Vera darling,

Your letter made me very happy, and I am answering it without delay. You say you are my pupil, but my idea of love and motherhood is bound up with my idea of life in general and my aim of achieving emotional independence as the outcome of economic independence. You have no such ideas. You have to have people tell you how wonderful you are. You have to have someone take care of you. It is like a drug. Do you remember my poem to Alik? In it I said about love

"I will not justify its blindness and its prejudice

That make it so sweat.

*I'll smash the words that are my heritage,
And after me will come still freer women,
Who'll do great things because they are clear-sighted
And do not crumple up".*

You have no such ambition. But you feel that your life is not complete without a child, and of course you want that child to be from the man who stirs you most deeply, and I wish, oh, I wish for you that it may come true. But even if it doesn't, you will be a better woman for having felt that need, and felt it strongly enough to want to take the risk of facing it alone, quite alone. No love for a man, however ecstatic, can equal love for a child. But a woman often perverts her love for her child, using the child as an emotional outlet instead of creating a better member of society, and the result is – an emotionally crippled child (like Sasha, whose very wonderful qualities are quite wasted).

But I don't want to preach. I merely want to point out a danger which you didn't take into consideration. I want to encourage you. I want to help give you strength to carry out your dream and conquer all the obstacles that stand in your way – physical and emotional. And if it proves, as you say, merely connected with the "climax" I am happy at least to share your joy of feeling a woman's normal feeling with all the majesty it brings to life.

Such an emotional experience is so beautiful that it makes "ordinary" relationships, – existing from custom – seem disgusting by comparison. "Give my liberty or give me death!" I say: "Give me beauty or I prefer to be alone and create my own beauty around me and draw it from people capable of feeling it". But it is harder, much harder to do that.

"Our need of one another is too great.

We're opt to let it eat our hearts away.

But if we conquer that we reach a state

Where we can feel our strength grow day by day".

Тума, 31 октября '64⁴³

Вера, дорогая,

я очень счастлива, что получила от тебя письмо, на которое отвечаю безотлагательно. Ты говоришь, что являешься моей ученицей, но моя идея любви и материнства связана с идеей жизни в целом и моей целью достижения эмоциональной независимости как результат экономической независимости. У тебя таких мыслей нет. Тебе необходимо, чтобы люди говорили, какая ты замечательная, тебе необходимо иметь кого-то рядом с собой, кто бы заботился о тебе. Это как наркотик. Ты помнишь мое стихотворение к Алику?⁴⁴ В нем я говорила о любви:

*Не оправдаю безрассудство и предубеждение
в любви.*

И сокрушу слова – мое наследие.

Другая женщина придет на смену мне –

свободная и нестигаемая –

и совершит великие дела.

У тебя таких амбиций нет, но ты чувствуешь неполноту жизни без ребенка и, конечно, хочешь, чтобы этот ребенок был от мужчины, который волнует тебя настолько глубоко, и я желаю, ох, я желаю, чтобы это осуществилось. Но даже если этого не произойдет, ты станешь лучше, ибо испытала эту потребность и испытала достаточно сильно, чтобы захотеть рискнуть столкнуться с этим одной, совсем одной. Никакая, даже исступленная, любовь к мужчине несравнима с любовью к ребенку. Но женщина часто извращает чувство любви к своему ребенку, используя его как эмоциональную отдушину вместо того, чтобы создать лучшего члена общества, и как результат – вырастает эмоционально искалеченный ребенок (как Саша⁴⁵, чьи просто замечательные качества практически утеряны).

Но я не хочу поучать, а только хочу указать на опасность, которую ты не принимала во внимание. Хочу ободрить тебя и помочь обрести силы для осуществления твоей мечты и преодоления всех тех обстоятельств, которые стоят на твоём пути, – физических и эмоциональных. И если, как ты говоришь, подтверждается, что твое состояние просто связано с переходным возрастом, я счастлива по крайней мере разделить твою радость испытать нормальное женское чувство со всем тем величием, которое оно приносит в жизнь.

Подобный эмоциональный опыт так прекрасен, что сравнение его с «обычными» отношениями, существующими по привычке, выглядит отвратительно. «Дайте мне свободу или дайте мне смерть!»⁴⁶. Я говорю: «Дайте мне красоту или я предпочту остаться одной, чтобы вокруг себя создать красоту, взяв ее у людей, способных ее почувствовать». Но сделать это труднее, намного труднее.

*Друг в друге мы нуждаемся безмерно,
готовы мы к тому, что поглотит сердца
слепая страсть, но чувства наши верно
мы пронесем, не потеряв лица.*

(Окончание письма не сохранилось. – М.С.)

С праздником, если не поздно!⁴⁷

Dearest Vera!⁴⁸

(Начало письма неразборчиво из-за обширного пятна на бумаге. – М.С.)

отважилась на новое письмо. Очевидно, так гораздо лучше. Мое длинное письмо правильно адресовано, написано немедленно после получения фотокарточек. Это возмутительно! В нем я изложила тебе все мои мысли о творчестве, мои планы, – все, что не удалось рассказать – ведь твоя теплота и нежность для меня были такой роскошью, что я немножко вышла из равновесия. Не выбрала более важно [го] из стихотворений чтобы показать тебе, утомила тебя, жалко, совсем не

по твоему вкусу, и старалась это все исправить подробным изложением того, что считаю своим будущ [им] место [м] в области литературы, и почему-то, что я напишу, должно иметь больше вес [а], чем «Голос Америки». Ведь я половину своей жизни жила там, видела и переносила то, что там само [е] худшее, и тоже видела то само [е] лучшее, но не сравнивала [с] тем самым лучшим, что я видела в России ... в те год [ы], когда в ИККИ⁴⁹ я перевела Тольятти⁵⁰ и других, и теперь, [когда] жизнь начинается в духе коммунизма подалее от Москвы. Вчера из школы пришли, привели двор в порядок, рубили дрова, мыли пол, а завтра я приглашена в президиум на торжественное собрание. Очень трудно писать, мыслить, руководить пером моей рукой. Тем более я огорчена, что ты не получила мое [го] действительно обдуманно [го] письма. Как же это так? И то, первое, что не дошло, почему не вернули обратно? Ведь адрес указан. Придется тебе ко мне опять приехать, раз так плохо работает почта. По тебе скучаю.

<...>. В последнем письме объяснила, почему не хотела, чтобы ты показала Peacock Feath [er] less⁵¹ Рите⁵² – никому. И только очень душевный врач невропатолог поймет. <...>. Мне так трудно писать, я ждала с таким нетерпением твой ответ, и вот вся моя «мудрость» к тебе не попала.

Очень старательно изучила речи на съезде Тольятти и Чоу-Энь-Лая⁵³ – живу прежней жизнью – кажется, тот Чоу, с кем я крепко дружила в 1928 [году] в Москве, но точно не могу сказать. На фото он полнее и, конечно, старше, но чувствуется по его речи, что он такой же душевный, как мой друг. От племянника Тагора⁵⁴ я узнала, что они мне послали совместное письмо из Берлина. Но я его не получила. Опять почта! Если только почта будет хорошо работать, снова свяжусь со старыми друзьями. Как хорошо... (слово неразборчиво. – М.С.) [в] старости буду жить. Да, хочется при возможности создать им здесь уют и отдых, как я тебе объяснила.

Какие счастливые воспоминания о твоём пребывании. Меня они еще греют. Сестра задерживается, наверно [е], до мая. <...>.

Целую крепко
Мэри

Тума, 29 IV 65⁵⁵

Дорогая Вера,
Мне хотелось послать тебе открытку к маю, но не удалось купить – из дома не выхожу.

Желаю тебе хорошей жизни – успех [а], счастья, здоровья.

Целую, Мэри

ПИСЬМА РИД – КРЮЧКОВОЙ

Тума
Советская, 2

Дорогая Елена Игнатьевна!⁵⁶

Прошу прощения, что я так долго задержала ответ на Ваше теплое письмо и ценный подарок <...>. Дело в том, что мне пришлось столько заниматься перепиской в связи со статьей, разобраться в старых рукописях, что не хватило времени и сил хоть что-нибудь себе почитать. Ведь я тоже инвалид, 2-я группа с 1933 г.⁵⁷, и к тому уже стара, и к тому у меня был перелом бедра, и я все еще с трудом двигаюсь. Но я очень счастлива, что смысл моей жизни стал доходить до людей.

Простите, что я не так хорошо пишу по-русски.

Вы когда-нибудь бываете в Туме?

Посылаю копию моего стихотворения «Тума»⁵⁸ – напечатано в газете «Новая Мещера» 27 октября 1966. Простите, что копия не так чисто сделана. Очень сложно с переводами.

Желаю Вам всего, всего хорошего,
Мэри Рид

Дорогая Елена Игнатьевна!⁵⁹

Достала Вам от блокадной подруги в Ленинграде нитки. Не хватало красных, но она ко мне в мае приедет и привезет. <...>. Возникла у меня очень неприятная мысль: вдруг Вы стали для меня что-то вышивать? Ведь это мне совершенно не нужно. Если так, то прошу продать и себе что-то очень приятное купить – хоть вкусного, хоть изящного, чего только душа диктует, но для меня ничего не нужно, кроме иногда Вашего мудрого теплого письма.

Живу в очень простой, но уютной обстановке, где все выбрано по тону, гармонично, а вышивку заменяют сосны, которые вижу с подушки, и кур своих вижу из другого окна, люблюсь. Зимой снегири прилетели, купались в снегу, выклевывали зернички от лебеды высохшей, торчавшей из-под снега. Поглочена я стихами, да многочисленными газетами, которые я едва успеваю читать, – коммунистические из США и «Известия». Хорошее питание получаю от молока моей козы, но очень тяжелые две недели провели. Она обьягнчилась, по ночам не спала, и пришлось отправить свои переводы русских поэтов⁶⁰ в общество культурных связей [ей] с Англи [ей]. Простите, что плохо пишу <...>.

Теплый привет,
Мэри

Тума 12.4.69⁶¹

Дорогая Лена!

Спасибо за письмо и за фото, на которое смотрела, смотрела.

Ты – настоящий герой. Я стала думать о тебе, когда мне тяжело.

Не хлопотать, чтобы тебя перевели в более спокойную обстановку? Уважение везде будет.

Я теперь лежу под уколом. Всю жизнь закалялась, думала, никакой холод не берет – но зима необыкновенно сурова, немножко сдалась. Одн [ой] бывает трудно – кругом всем нелегко было. Теперь помощь лучше организована. Поправляюсь. Но мне уже 72-й год, и перелом бедра затормозит движение. Когда мне [будет] лучше, pošлю еще стихи тебе.

Теплый привет,
Мэри

Тума 25.4.69⁶²

Дорогая Лена!

Ты меня, пожалуйста, извини за смелость, но я решила послать тебе один из своих рассказов, который требует обработки. Ты ведь много читаешь, вкус имеешь, а если нет у тебя на это времени, не стесняйся послать обратно. Дело в том, что я его давно писала, но как я тебе объяснила – дело с переводом моих трудов очень сложно.

Читали в Ленинграде на редакции, говорили – это сильный рассказ, но перевод очень неудачный. К тому [же], просили меня указать место действия. Я теперь указала – подходит к Вьетнам [у]. Если тебе хочется взяться за это дело, может быть, что-то у нас получится, и я напишу: перевод Крючковой.

Как ты на это смотришь? Можно сократить, обработать по твоему.

У меня полсотни рассказов, несколько – очень мало – напечатаны, большинство так и лежат у меня на англ [лийском] языке. Попробовала сама несколько перевести, но, конечно, не литературно. Могу тебе их послать для твоего развлечения. Мое стихотворение «Грачонок» («Новая Мещера») я заставлю для тебя переписать Наташу Поташову – ведь она мне ни слов [а] не сказала, что написала тебе.

Теплый привет
Мэри Р.

Дорогая Лена! С праздником!⁶³

Не прошло полчаса после того, как отправила тебе письмо, а вот уже твой подарок – изумительно хорошие изящные вышивки. Какой ты молодец!

Нет, я не из-за твоего письма под уколом. Я была очень закалена от холода, первый год в Туме спала в бывшем складе без печки, купалась даже при снеге в нашей тумской речке. Но суровая зима не была по моим силам, и тело стало холодеть к утру. Никакие одеяла не помогли. Лежала «под прессом», как в блокаде, и электрическая печка у кровати! Теперь легче.

Желаю тебе всего наилучшего к празднику 1-го мая!

Все-таки pošлю тебе свой рассказ «Товарищ», как я объяснила в письме. Если тебе интересно, еще рассказы pošлю тебе. Я очень счастлива, что мы с тобой познакомились.

С теплым приветом,
Мэри Р.
<...>

Тума 6.5.69⁶⁴

Милая моя Леночка!

Прерываю письмо, что пишу в редакцию, чтобы немедленно написать тебе ответ на твое глубоко трогательное письмо и извиниться перед тобой, что я заставила тебя так работать. Как все-таки ты умно рассуждаешь! Писала этот рассказ давно, в худших даже, чем твои, условиях, и фантазировала. Ладно. Пусть у меня пока лежит вместе с твоими очень ценными отметками. <...>.

Я <...> передвигаюсь при помощи палки и справляюсь кое-как. [В] четверг и понедельник школьницы приходят – 2, 3 – на час, но жду блокадную подругу из Ленинград [а]⁶⁵. <...>. Сегодня был врач невропатолог. <...>. Я ей обязана так многим. Ведь зимой без нее я бы пропала. <...>. Может быть, ты в чем-то нуждаешься, кроме ниток? Как тебе помочь?

Еще раз напишу более подробно. Пока желаю укрепиться. Ты стоишь очень храбро на фотокарточке. Твоя болезнь мне хорошо знакома, и преклоняюсь перед тобой.

Целую тебя, Леночка,
Мэри

Тума 25.5.69⁶⁶

Дорогая Лена!

Спасибо за то, что приехала меня навестить, и я смогла с тобой ближе познакомиться. Ты мужественная женщина и настолько энергична, что у меня голова кружится от твоей энергии. Нас разделяет 20 лет, и я очень медленно соображаю, притом мне нужен полный покой. Поэтому гостей не принимаю. После перелома бедра мое хозяйство было в полном хаосе. Теперь постепенно, очень постепенно, порядок налаживается, все выстирывается, цветы сажаются, хлам убирается, и будет приятно ко мне приходиться. Скоро ли или не скоро, не знаю, главное: продвигается моя литературная работа, но тоже медленно. Сегодня напишу статью для Рязани. [То], что много чего в хозяйстве еще не сделано, меня меньше всего беспокоит. Я знаю, что чистота и порядок будет. Мне помогают девочки, и я стараюсь выбирать тех, кто любит моих птиц и животных. Есть среди них, кто так любит их, что не хочет домой [уходить]. Я могу им помочь в изучении английского языка. Такая [работа] меня не утомляет, а ты так быстро у меня все делала, говорила

быстро, что потом долгое время [я] не могла прийти в равновес [ие]. Если опять приедешь, прошу заранее предупредить, чтобы я смогла отложить другое дело и принять тебя как следует. Будем говорить не о прошлом, а о лучшем будущем, не о болезни, а о здоровье и только пару часов. Меня слишком утомляет разговор, суета. Приезжайте только на пару часов. Расскажите об улучшении условий в инвалид [ном] доме, <...>, как там поставлена общественная работа. Ты ведь активно в этом участвуешь и можешь мне об этом писать – обо всем, что означает движение вперед. Это для людей в США очень важно, чтобы они знали. Ведь там таких домов нет.

В мае твой день рождения. Шлю теплый привет и желаю еще долгие годы активности. Наука продвигается быстро вперед. Может быть, найдется средство для преодоления твоей болезни. Ведь ты еще сможешь принести большую пользу. <...>.

Желаю тебе поправки здоровья и счастья.

Мэри Рид
25.5.69

¹ См.: Кислов В. Ленинградка Мэри Рид // Комсомольская правда. 1990. № 22; Шабурова К. Нам не дано предугадать... // Новая Мещера (Спас-Клепики). 1990. № 134; Гаврилов И.Н. Мэри Рид // Рязанская энциклопедия. Рязань, 1992. Т. IV. С. 93-94; Он же. Писатели и Рязанский край (Биобиблиографический словарь). Рязань, 2000. С. 95-96; Сумин А. «10 дней», которые перевернули жизнь // Мещерская сторона (Рязань). 2002. № 49; Казакова Л.Н. Американская поэтесса Мэри Рид // Материалы и исследования по рязанскому краеведению. Рязань, 2005. Т. 8. С. 270-274 и др.

² См.: Семина М. Мэри Рид // Звезда. 2011. № 7. С. 123-126.

³ Полное имя писательницы – Мэри Корнер Рид – было установлено в ходе генеалогических разысканий. Состав семьи Риды-Вессельхофты: отец – Уиллард (1870-1944), мать – Фердинанда Эмилия (1870-1952), дочери – Мэри (1897-1972), Фердинанда (1899-?), Нэнси (1900-?), сын – Уиллард-младший (1909-1942).

⁴ Унитариянство (Унитариянская церковь) – маргинализованное движение в протестантизме, последователи которого отрицают христианский догмат о Троице, доктрину грехопадения и учение о таинствах. Унитарии стоят на крайне либеральных позициях как в отношении религиозных, так и светских вопросов. Первая унитариянская община возникла в США в 1796 г.

⁵ Dr. Wesselhoeft honored // The Cambridge chronicle. 1909. March 6. P. 13; Radcliffe college directory. Cambridge, 1926. P. 145, 231, 247, 322; Rixey L. Three old ladies. They bought the "Daily Worker" // Life. 1946. October 14. P. 6-7 и др.

⁶ См.: Николаев А., Севергин О. Мэри Рид – «тетя Маруся» // Советская Россия. 1969. № 145.

⁷ Джон Рид (1887-1920) – американский журналист, революционер, один из основателей коммунистической партии США. Родился в богатой буржуазной семье, выпускник Гарварда. Впервые изданная в Америке в 1919 г. книга Рида «Десять дней, которые потрясли мир», повествующая о поворотном моменте в истории России, связанном с приходом к власти большевиков в октябре 1917 г., сделала его героем цело-

го поколения радикально настроенных интеллектуалов. Один из немногих иностранцев, похороненных в пантеоне у Кремлевской стены.

⁸ См.: Рид М. Залп «Авроры» // Приокская правда. 1970. № 262.

⁹ См.: Шкловский Е. Мой позывной – «Блокада» // Ленинградская правда. 1971. № 20.

¹⁰ Джон Рид Коупленд (1923/24-1941) – о жизни юноши в Ленинграде и об обстоятельствах его смерти см.: Reed M. An American in the siege of Leningrad // Soviet Russia Today. 1945. Vol. 13. № 9. January. P. 17, 20; Цымбалистый Е., Жулинский Н. Юность моя – комсомолия. Л., 1971. С. 184; Рид М. В осажденном Ленинграде // Ровесник. 1984. № 1. С. 6-7; Дорога на Смоленск. М., 1985. С. 125-130; Кислов В. Указ. соч.

¹¹ Ильина М. «Мой позывной – блокада!» // День поэзии. 1971. Л., 1971. С. 59.

¹² См.: Reed M. An American...

¹³ Иосиф Виссарионович Сталин (1879-1953) – лидер Советского государства, партийный и государственный деятель, в 1922 г. избран Генеральным секретарем ЦК ВКП(б), с 1941 г. – Председатель СНК СССР. Имел высшее воинское звание Генерал-лессимуса Советского Союза.

¹⁴ См.: Кислов В. Указ. соч.

¹⁵ В августе 1919 г. Караванная улица была переименована в улицу Толмачева, получив свое название в честь участника Октябрьской революции петроградца Николая Толмачева (1895-1919). Дом № 11 – угловой, выходит одновременно на улицу Караванную и Невский проспект. В 1822 г. здесь поселился поэт Василий Жуковский. Среди его гостей были знаменитые писатели, поэты, видные критики и литераторы: Николай Карамзин, Иван Крылов, Евгений Баратынский, Петр Вяземский и др. Примечательно, что с конца XIX в. в этом литературном доме начали «располагаться редакции различных газет и журналов» (см.: Штейн М.Г. Улица Толмачева // Блокнот агитатора. Л., 1979. № 3. С. 46-61). В октябре 1991 г. улице возвращено прежнее название – Караванная.

¹⁶ См.: Письмо из Управления ФСБ России по Санкт-Петербургу и Ленинградской области за № 10/21-С-87 от 28.01.2010 г. (Личный архив автора); Кислов В. Указ. соч.

¹⁷ См.: Письмо из Управления ФСБ России по Санкт-Петербургу...

¹⁸ Там же.

¹⁹ См.: Письмо из Управления ФСБ России по Ярославской области за № 10/225 от 01.02.2010 г. (Личный архив автора).

²⁰ На данном этапе реконструкция тумского периода возможна, главным образом, по воспоминаниям современников Мэри Рид и по фрагментам публикуемых здесь писем. О жизни Рид в Туме впервые было рассказано на страницах местного периодического издания (см.: Шабурова К. Указ. соч.).

²¹ Мэри Рид. Стихотворения. [Рязань, 1971].

Один экземпляр книги принадлежит поэту Ефиму Ароновичу Шкловскому; другой – хранится в краеведческом музее средней общеобразовательной школы № 46 р.п. Тума. На экземпляре из школьного музея имеется дарственная надпись: «Любимому Николаю Михеевичу от Мэри Рид. 22.3.71». Николай Михеевич Цыганков – хирург, впоследствии главный врач Тумской больницы.

²² Об этом факте в частной беседе сообщила преподаватель английского языка средней общеобразовательной школы № 2 г. Михайлова Римма Викторовна Ковровская. Будучи школьницей, она познакомилась с Мэри Рид, которая давала ей бесплатные уроки английского языка. Репетиторство помогло Ковровской успешно поступить

в Рязанский государственный педагогический институт. Во время приезда в Советский Союз Нэнси Рид, младшей сестры Мэри, Ковровская сопровождала ее в качестве переводчицы, навещала Мэри Рид в Михайловском доме-интернате для престарелых и инвалидов, присутствовала на похоронах в Переделкине.

Факт получения архива по завещанию Мэри Рид подтвердил Е.А. Шкловский.

²³ Вера Владимировна Рольник (1913–1981) – доктор биологических наук, работала в Ленинграде в Институте эволюционной физиологии и биохимии, где в 1970 гг. организовала и провела несколько вечеров поэзии. Была знакома и состояла в переписке со многими видными литераторами и учеными (ЦГАЛИ СПб. Ф. 394. Оп. 1. Д. 47. Л. 1–2).

²⁴ Там же. Д. 37.

²⁵ Там же. Л. 5, 6, 6 об.

²⁶ ГАРО. Ф. Р-5039. Оп. 1. Д. 924. Текст писем публикуется с незначительными купюрами. Смысловые пропуски восстановлены в квадратных скобках, очевидные стилистические неточности, грамматические и пунктуационные ошибки, имевшие место в оригинале, исправлены.

²⁷ Елена Игнатьевна Крючкова (1918–1970?) – на момент переписки находилась на стационарном лечении в Иванчинском психоневрологическом интернате Касимовского района. Несмотря на I группу инвалидности, вела активную социальную жизнь, занималась декоративно-прикладным творчеством. Работами Крючковой по художественной вышивке и вязанию заинтересовался Касимовский краеведческий музей, который выразил желание закупить отдельные образцы для своей коллекции. Некоторые изделия (среди которых «ковер, вышитый цветной шерстью в восточном стиле») экспонировались на выставке 1968 г., прошедшей в стенах Елатомского краеведческого музея (ГАРО. Ф. Р-5039. Оп. 1. Д. 920. Тетрадь 1. Л. 17–17об.; Тетрадь 6. Л. 73 об.–81 об.; Д. 923. Л. 2–4, 6).

В ГАРО (Коллекция краеведческих материалов) хранится несколько тетрадей с дневниковыми записями Крючковой, которые она передала в 1970 г. в архив (Ф. Р-5039. Оп. 1. Д. 914–920. Тетради 1–7).

²⁸ Школьница Наташа Поташова отправила Крючковой два письма. В несохранившемся письме девочка рассказывала о проживающей в Туме писательнице, которой оказывала шефскую помощь. Вместе с тем, осталось другое письмо Поташовой, адресованное Крючковой, с датировкой «5.4.69» на штемпеле конверта (ГАРО. Ф. Р-5039. Оп. 1. Д. 922. Л. 145–146 об.).

²⁹ См.: *Ильина М.* «... И выстоять поможет» // Ленинградская правда. 1971. № 31.

³⁰ Сейчас – Геронтологический центр «Переделкино».

³¹ В течение многих лет местонахождение могилы Мэри Рид оставалось неизвестным. Благодаря информации, которой поделилась Р.В. Ковровская, удалось разыскать это место в Переделкине. На надгробной плите указаны: даты жизни Мэри Рид, ее принадлежность к КПСС с 1928 г. и слова автоэпитафии: «Всесильна жизнь – оружие героев» (см.: *Сёмина М.* Указ. соч. С. 124).

³² ЦГАЛИ СПб. Ф. 394. Оп. 1. Д. 37. Л. 3–4. Оригинал письма. Текст публикуется с незначительными купюрами.

³³ Там же. Перевод с английского языка М. Сёминой.

³⁴ Неустановленное лицо.

³⁵ Речь идет о Римме Викторовне Ковровской.

³⁶ Рита Райт-Ковалева (1898–1988) – советский переводчик с немецкого, английского, французского языков.

³⁷ Нэнси Рид (1900–?) – журналист, общественный деятель. Окончила женский колледж Рэдклифф при Гарвардском университете. Проживала в Санта-Барбаре, штат Калифорния.

³⁸ Более полных биографических сведений к настоящему времени не выявлено, кроме как указания на ее статус ссыльной (по воспоминаниям старожилов р.п. Тума).

³⁹ Неустановленное лицо.

⁴⁰ Один из крупнейших концентрационных лагерей Германии «Бухенвальд» существовал с 1937 по 1945 г. и использовался нацистами в качестве площадки для проведения медицинских экспериментов над людьми. В 1958 г. на территории бывшего лагеря состоялось открытие мемориала «Бухенвальд». Откликом на это событие стало стихотворение поэта-фронтовика Александра (Исаака) Соболева «Бухенвальдский набат». Музыка была написана композитором Ваном Мурадели.

⁴¹ В оригинале фраза звучит по-французски: Je te kisse.

⁴² ЦГАЛИ СПб. Ф. 394. Оп. 1. Д. 37. Л. 2–2 об. Оригинал письма.

⁴³ Там же. Перевод с английского языка М. Сёминой.

⁴⁴ Знакомство Мэри Рид с эксцентричным ленинградским поэтом Александром (Аликом) Ривиным (1914?–1941) состоялось при посредничестве Веры Рольник, хорошо известной в литературных кругах Ленинграда. В стихах Ривина встречается упоминание о Мэри Рид: «На мою на могилку / не придет Мэри Рид / только папа мой немилый / меня похоронит...» (см.: *Кузьминский К., Ковалев Г.* Антология новейшей русской поэзии. У голубой лагуны. Ньютонвилль (США), 1980. Т. I. С. 64). Об отдельных штрихах личности Ривина см.: *Кузьминский К., Ковалев Г.* Указ. соч. С. 45–68; *Шнейдерман Э.* Мой сосед Алик Ривин // Звезда. 2000. № 10. С. 206–213 и др.

⁴⁵ Неустановленное лицо.

⁴⁶ «Свобода или смерть!» – ставшая для американцев хрестоматийной цитата из политической речи государственного деятеля, одного из лидеров борьбы американских колоний за независимость Патрика Генри, произнесенной им на Вирджинской ассамблее в марте 1775 г.

⁴⁷ ЦГАЛИ СПб. Ф. 394. Оп. 1. Д. 37. Л. 7–10 об. Несмотря на отсутствие датировки, ее можно определить с максимальной точностью. Во-первых, берлинское сообщение от племянника Тагора отсылает нас к Международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня основания I Интернационала и проходившей в Берлине в период с 25 по 29 сентября 1964 г. (*Welt geschichte in daten.* Berlin, 1965. Русское издание: *Всемирная история. Даты и события.* М., 1968. С. 192). Во-вторых, приглашение для участия в торжественном собрании хронологически соотносится с ноябрем 1964 г., то есть с празднованием очередной годовщины Октябрьской революции. Все это позволяет датировать письмо 5 ноября 1964 г.

⁴⁸ Обращение «Дражайшая Вера!» в оригинале письма звучит по-английски.

⁴⁹ ИККИ – Исполнительный комитет Коминтерна (Коммунистический интернационал – международная организация, функционировавшая с 1919 по 1943 г. и объединявшая под своим знаменем компартии различных стран).

⁵⁰ Пальмиро Тольятти (1893–1964) – журналист, выдающийся политический деятель международного коммунистического движения, занимал пост генерального секретаря Итальянской компартии.

⁵¹ Дословный перевод с английского языка: «Павлин без перьев».

⁵² Рита Райт-Ковалева.

⁵³ Чжоу Эньлай (1898–1976) – видный дипломат, один из лидеров китайского коммунистического движения, премьер Государственного совета КНР. В ноябре 1964 г. последний раз посетил Советский Союз в качестве главы правительственной делегации для участия в праздновании 47-й годовщины Октябрьской революции.

⁵⁴ Рабиндранат Тагор (1861–1941) – легендарный индийский поэт, художник, мыслитель и общественный деятель, лауреат Нобелевской премии по литературе, которую он получил в 1913 г., став первым неевропейцем в этой номинации.

⁵⁵ ЦГАЛИ СПб. Ф. 394. Оп. 1. Д. 37. Л. 11.

⁵⁶ ГАРО. Ф. Р-5039. Оп. 1. Д. 924. Л. 10–10 об. Датировка отсутствует, конверт не сохранился, однако официальный характер текста письма позволяет считать его одним из первых в переписке и отнести к началу апреля 1969 г.

⁵⁷ В 1922 г. американские врачи, диагностировав у Мэри Рид туберкулез, отказали ей в страховании жизни, и только советская медицина, по утверждению самой Рид, смогла поставить ее на ноги (см.: *Ильина М.* «... И выстоять поможет»).

⁵⁸ Машинописная копия стихотворения содержит автограф Рид: «Елене Игнатьевне Крючковой с теплым приветом от Мэри Рид».

⁵⁹ ГАРО. Ф. Р-5039. Оп. 1. Д. 924. Л. 9–9 об. Датировка отсутствует, конверт не сохранился.

⁶⁰ Наряду с переводами на английский язык русских классиков – А. Пушкина, Н. Некрасова, Рид с увлечением переводила советских поэтов: М. Исаковского, С. Острового, С. Щипачёва и др.

⁶¹ ГАРО. Ф. Р-5039. Оп. 1. Д. 924. Л. 12.

⁶² Там же. Л. 13–13 об.

⁶³ Там же. Л. 11–11 об. Упоминание о предстоящих Первомайских торжествах позволяет датировать письмо последними числами апреля 1969 г.

⁶⁴ Там же. Л. 1–2.

⁶⁵ Не исключено, что речь идет о Вере Рольник. «Подруга Вера» значится и в ленинградских дневниках Рид.

⁶⁶ ГАРО. Ф. Р-5039. Оп. 1. Д. 924. Л. 3–4 об.